

Georgij Krasnow, Justyna Cichocka, Ewa Gołębiowska

Profesor Georgij Krasnow o Puszkynie, "Болдинских чтениях" i zbliżającym się jubileuszu 200-lecia poety

---

Acta Polono-Ruthenica 3, 407-411

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

**Profesor Gieorgij Krasnow o Puszkynie,
„Болдинских чтениях”
i zbliżającym się jubileuszu 200-lecia poety**

Господин Профессор, что содействовало Вашему переходу к изучению А. С. Пушкина? Ведь Вы раньше занимались творчеством Л. Н. Толстого?

В какой-то степени, Пушкин как бы начало всех начал и Лев Толстой, как и другие писатели, нередко отталкивались от Пушкина. Скептические характеристики Пушкина, пушкинской прозы, молодым Толстым сменились восторженными оценками. Отправным пунктом в создании *Анны Каренины* стал отрывок Пушкина „Гости съезжались на дачу”. Толстой как бы подсказывал необходимость широкого понимания традиции Пушкина для всей русской литературы.

В свое время я работал в Нижегородском университете и, поскольку Болдино было недалеко, - пушкинская тема была неизбежной. В Саратове, где жил Чернышевский - почти все занимались Чернышевским, а в Нижнем Новгороде многие занимались Пушкиным, „Болдинской осенью”. Раньше больше звучали Михайловское, пушкинское имение, Святогорский монастырь, где похоронен поэт. Этим местам симпатизировал А. Н. Косыгин, председатель Совета Министров бывшего СССР. А в конце 60-ых, начале 70-ых годов - болдинское творчество очень богатое, компактное, привлекло внимание многих исследователей, просто публики, которая потянулась с экскурсиями к усадьбе в Болдино. Оно заново привлекло многих литературоведов, историков культуры.

Кроме того Пушкин стал хорошей „приманкой”, чтобы высказаться более свободно в годы после „оттепели”, в годы авторитарные. Болдинский круг пушкинистов был в какой-то степени оппозиционным, „диссидентским”; не случайно „Болдинские чтения” в Болдине обычно проходили под присмотром агентур органов КГБ (известный комитет „государственной безопасности”). Один из вос-

питанников Горьковского университета, очень активный в пушкинистике, умерший рано (ему было всего 32 года), Е. С. Хаев, был под присмотром КГБ и знал их агентуру, предупреждал нас о ней.

Но политические проблемы не обсуждались?

Прямых политических обсуждений не было, но сам круг собирающихся для властей был подозрительным: „Болдинские чтения” создавались не как академические, официальные, торжественные чтения, а как заседания со свободной повесткой. Не обязательно было цитировать Маркса, Энгельса или Ленина. В то время многие печатные материалы без этих цитат не обходились. Кроме того утром и днём - заседания, вечером - встречи, живые разговоры, песни очень популярного тогда Булата Окуджавы - всё это привлекало людей.

На какой почве возникли первые „Болдинские чтения”, организованные по Вашей инициативе в 1969 году. Расскажите, пожалуйста, о характере Ваших со студентами самых ранних поездок в имение Болдино. „Болдинские чтения” сразу приобрели такой научный облик? Как тогда выглядел музей?

Идея возникла не у меня одного. Болдинское место было как-то отрезано от внешнего мира. Я помню одну из наших поездок. Со студентами Горьковского университета мы ехали из Горького (ныне Нижний Новгород) до Арзамаса по железной дороге, а от Арзамаса до Болдино ещё большое расстояние. Нам пришлось ночевать на вокзале, чтобы утром на какой-то попутной машине достигнуть место нашего назначения. Мы сели по бокам цистерны с молоком и таким образом доехали. Говорить о массовом посещении Болдино в то время, не приходилось.

В музее были старожилы, но они были как-то немножко принижены. Внесла свежую, новую струю, приехав в болдинский музей из Ленинграда - Левина Юдифь Израильевна - энергичная, не связанная семейными узлами, знающая хорошо Пушкина. Она возрождала музей. Ею была заново придумана экспозиция. Помогали Левиной ленинградские коллеги из Пушкинского Дома.

Появились в то время книги, которые провоцировали интерес к пребыванию Пушкина в Нижегородском крае. Укажу на книгу

А. А. Еремина. Одним словом, сама инициатива напрашивалась, подсказывалась общей ситуацией. Потом я заведовал Кафедрой русской литературы в Горьковском университете. Естественно, что эта кафедра должна была оказать помощь болдинскому Музею и у нас возникла идея „Болдинских чтений”. Сначала они проводились не очень регулярно, потом „Болдинские чтения” и издания привлекали многих пушкинистов. Помагал нам, например, академик Михаил Павлович Алексеев, особенно тогда, когда чтения были под угрозой закрытия со стороны органов. Яркий спецкурс о Пушкине читал тогда в Нижегородском университете опальный пушкинист Юлиан Григорьевич Оксман.

Какое место в русской пушкинистике занимают „Болдинские чтения”?

В какой-то степени их можно рассматривать как научную лабораторию многих проблем пушкинистики. Многие молодые люди, участники чтений, позже стали видными учеными. Не хочу сказать, что „Болдинские чтения” стали школой для всех аспирантов, докторантов, но наверное, все-таки, сказались на их восприятие Пушкина.

Теперь это авторитетные ученые России и СНГ - И. Л. Альми, Н. Л. Вершинина, Л. И. Вольперт, Н. И. Михайлова, Т. Т. Савченко, В. А. Викторович, В. А. Грехнев, А. А. Илюшин, В. А. Кошелев, В. М. Маркович, В. С. Непомнящий, Л. С. Сидяков, А. А. Смирнов, М. В. Строганов, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, Н. М. Фортунатов, А. П. Чудаков, Ю. Н. Чумаков и др. Само за себя говорит постоянное соучастие в „Болдинских чтениях” вedomого пушкинской группы ИРЛИ, в ныне - одного из руководителей общества „Пушкинский проект” С. А. Фомичева или памятные выступления в разные годы профессоров МГУ В. И. Кулешова, В. Е. Хализева, ленинградцев Б. Ф. Егорова, С. Л. Абрамович, Я. С. Билинкиса и писателя Юрия Нагибина.

Горьковская область долгое время была „закрытой” зоной. Участие в чтениях иностранных учёных исключалось. Даже проф. Б. Бялокозовичу (Польша), когда-то студенту Горьковского государственного университета, перейти запретный барьер удалось лишь в период перестройки, когда г. Горький, затем Нижний Нов-

город становился городом сначала полуоткрытым, потом и открытым для иностранцев.

„Болдинские чтения” приобрели свое лицо и благодаря участию видных историков, искусствоведов, журналистов. Взгляд „со стороны”, включение иной творческой энергии дает свои результаты. Стоит припомнить интересные, не навязчивые гипотезы В. С. Листова в интерпретации незавершенных вещей поэта, его исторические комментарии к этапным пушкинским произведениям, интересные текстологические наблюдения Н. И. Клеймана, А. Е. Тархова, исторические реалии пушкинского времени в работах Н. Ф. Филатова, Н. И. Куприяновой, В. В. Ниякого, новые попытки уловить основные моменты в творческой истории *Арана Петра Великого* - в находках А. М. Букалова, смысл ряда ключевых социальных понятий в поэтике Пушкина - в исследованиях Льва Тимофеева, движение музыки в оперном искусстве на сюжеты Пушкина - в сообщениях профессора Нижегородской консерватории О. В. Соколова.

Какое Ваше мнение на тему болдинской тайны? Как вы её объясняете?

„Болдинская осень”, особенно первая, 1830 года, - это феномен в литературе. Такого рода вспышки творчества - редкие для писателей. Известно, что Гончаров, Достоевский, Лев Толстой вынашивали свои замыслы в течение многих лет. Разгадка творческой тайны может быть дана с разных точек зрения. У Пушкина накапливались мотивы, которые были не столько в рукописях, сколько в его творческом сознании. Чтобы они вылились в сочинение необходима была подходящая ситуация: как раз это было пушкинское уединение. Это было уединение не похожее на положение отшельника, монаха. Поэт оказывается в родной стихии, далеко от Петербурга, он не испытывает интриг, которыми был уже сыт. Новая среда и новые люди, окружение, крестьянки - всё казалось ему свободным. Нельзя сказать, что Пушкин был раньше несвободен, но всё равно груз журнальной борьбы, постоянной полемики тяготил и обьязывал чему-то. Волнует его тоже ожидание перемен холостой жизни, накануне женитьбы, что тоже подталкивает его к писанию. Он и потом сучал по холостой жизни: его семейное окружение,

особенно со стороны родни Наталии Гончаровой, было довольно жёстким. Пушкинская творческая торопливость очень сильно проявилась и по-хорошему вылилась. Известно, что общие итоги пушкинского творчества, особо первой болдинской осени, были во многом потом неповторимы. Сравниваю его приезды 1833, 1834, вовсе спад в пушкинском творчестве, когда критики говорили о конце поэта. Видимо какая-то общая программа пушкинского творчества была заложена не сверху, а в нём.

Как Вы будете праздновать пушкинский юбилей 200-летия? В Коломне или Нижнем Новгороде?

В Нижнем Новгороде в конце августа с.г. пройдет большая Международная конференция с участием пушкинистов Санкт-Петербурга, русистов США, Франции, Германии, Японии (по программе выше мной упомянутого „Пушкинского проекта“). Я участвую в этой конференции. Мои коллеги по кафедре Коломенского вуза примут участие в пушкинских конференциях в Москве (Российский государственный гуманитарный университет), в Новгороде (педуниверситет).

Будучи членом Ученого совета Пушкинского музея в Москве, вероятно буду участвовать в конце 1997 года в открытии (после капитального ремонта) музея с его новой экспозицией. Будет конференция и в Коломне с докладами литературоведов Москвы и других городов. На ней выступают студенты. Это для них „высшая школа“.

Господин Профессор, Ваш доклад открыл нашу Ольштынскую международную конференцию, посвященную памяти А. С. Пушкина в 160 годовщину его смерти, затем были представлены многие другие доклады. Как вписываются они в современную пушкиниану?

Конференция была очень интересной. Она открыла новые имена исследователей Пушкина, выдвинула актуальную проблему „Пушкин и славянство“, не избегая спорных вопросов этой темы (доклад В. С. Листова, Б. Бялокозовича и др.). Наверняка прошедшая конференция будет иметь хороший резонанс в научном мире.

Wywiad przeprowadziły Justyna Cichocka i Ewa Gołębowska